2. *Ирхин, Ю.В.* Этическое измерение модернизации института государственных служащих: сравнительный анализ / Политические институты в современном мире / ред. С.Г. Еремеев, О.В. Попова. – СПбГУ, 2010.

3. *Аристотель*. Никомахова этика. – М., 1997.

4. *Конфуций*. Беседы и суждения. – М., 2006.

© Ирхин Ю.В., 2011

В.Н. Дахин

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

ДАХИН Владимир Никитович – доктор исторических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений РАГС при Президенте РФ (e-mail: dakhina@mail.ru)

Аннотация. *Обосновывается положение, что формирование социальной политики государства и бизнеса способствует достижению социальной стабильности, становится условием устойчивого общественного развития.*

Ключевые слова: *Концепция устойчивого развития, социальная политика, социальное обеспечение, социальная безопасность, индивидуализация социальных рисков, социальные противоречия нового типа.*

Концепция устойчивого развития (Рио-де-Жанейро, 1992, Йоханнесбург, 2002) оставляет в стороне один из важнейших факторов – социальную стабильность общества.

Дело в том, что с 90-х гг. XX столетия социальные факторы устойчивого развития оказались на втором плане и создавалось впечатление их маргинальности на фоне глобальных угроз, порожденных хозяйственной деятельностью человека. Более того, казалось, что социальная стабильность в обществе уже достигнута: еще не завершился демонтаж структур социального государства в форме *welfare state* (государство всеобщего благосостояния) и не проявились социальные последствия и противоречия эпохи научно-технической революции и сопровождающей ее в социально-идеологической сфере неконсервативной революции.

Однако уже на рубеже веков стало ясно, что социальные противоречия не только не отодвинуты на второй план, но возвращаются в старых и новых формах. Социальная стабильность вновь становится фактором

устойчивого развития любого общества и более того, учитывая новый этап мирового развития, – проблемой глобальной.

Промышленная революция середины XIX столетия сопровождалась формированием новой социальной структуры, центральное место в которой занимали наемные работники промышленности и предпринимательский класс. Социально-экономический конфликт между ними был порожден самим способом производства, и именно он стал дестабилизирующим фактором. Осознание этого явления привело к началу активной социальной политики, рассматриваемой как способ достижения социальной стабильности[1].

Социальная политика любого современного государства с самого начала формировалась, во-первых, как трехсекторная, во-вторых, в двух базовых моделях. Что касается первого, то социальная политика всегда складывается как равнодействующая социальной деятельности государства, общества (гражданского) и бизнеса. Их соотношение в общем векторе социальной политики зависит от национально-исторических особенностей и принятой модели. Таких основных моделей социальной политики две: 1) «социальное обеспечение», в которой основную деятельность развивает государство, контролируя остальные секторы, и 2) «социальная безопасность», в которой государство гарантирует базовые социально-экономические права, а общество и бизнес представляют основную массу социальных услуг.

По мере становления новой социальной структуры и организации основных участников конфликта, принимающего все более разрушительный характер для стабильного развития общества, возрастает роль государства, его активность в социальной сфере – государство становится гарантом социальной стабильности. Обе модели социальной политики сближаются (сохраняя, впрочем, свои особенности) и начинается формирование «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*).

Welfare state формируется по двум направлениям: развитие социальной политики как таковой и регулирование (формализация) трудовых отношений под эгидой государства и в законодательной форме.

В первом направлении создаются всеобъемлющие системы социального обеспечения и защиты (социальной инфраструктуры): образование, медицинское обеспечение, пенсионные системы и системы защиты «слабых» слоев и групп населения. Что касается регулирования трудовых отношений, то оно начинается с законодательства о длительности трудового дня, размере минимальной заработной платы, об ограничении труда женщин и детей, компенсациях в случае болезни, травматизма и временной потери трудоспособности.

---

[1] Яркую трактовку этого конфликта и опасность, которую он несет обществу и государству, можно найти в работе: *Дизраэли, Б.* Сибилла, или Две нации / B. Disraeli. Sybil, or the Two Nations. – London, 1845). – *Прим. авт.*

В дальнейшем государство начинает напрямую вмешиваться и в трудовые отношения, заставляя наемных работников и предпринимателей формализовать эти отношения в коллективных договорах, где оно (государство) выступает либо в качестве гаранта, либо в качестве полноправного участника (степень и формы государственного участия напрямую зависят от принятой модели). К активизации роли государства вели не только задачи поддержания социального мира, но и давление (все более организованное) со стороны профессиональных организаций наемных работников и бизнеса. Первые стремились усилить свои позиции, вторые – снизить свои социальные издержки.

«Государство всеобщего благосостояния» формировалось в направлении расширения и углубления социальной политики и формализации трудовых отношений. Эта тенденция была обусловлена профессиональным расширением рядов работников и степени их организованности и соответственно ростом их требований и давления на государство и предпринимателей для их реализации. Окончательно структуры *welfare state* формируются в эпоху так называемого «экономического чуда» для поддержания высоких темпов развития (социальный мир – *sine qua non* высоких темпов), а затем, когда оно завершилось, на этом основании пытались преодолеть кризис индустриальной модели развития.

В модели государства всеобщего благосостояния государство постепенно из гаранта социального мира превращается в государство-опекуна, принимая на себя весь груз социальных рисков. Системы социального обеспечения становятся всеобщими, а в сфере трудовых отношений регламентация достигает не только высшей степени, но и выходит за рамки собственно этой сферы. В коллективных договорах фиксируются не только гарантии заработной платы и ее роста (в дополнение к национальным системам индексации), но и занятости, перемещения рабочей силы и т. д. В них закрепляется весь комплекс качества труда и жизни, рекреации, образования. Право на продолжение образования, закрепляемое в коллективных договорах, положило начало разработке и принятию концепции непрерывного образования.

Модель социальной стабильности в форме *welfare state* вела к жесткости трудовых отношений и появлению феномена «аллергии к труду», явившихся важным фактором кризиса индустриальной модели развития.

Жесткость трудовых отношений – полная регламентация всех аспектов отношений рабочих и работодателей, закрепляемая на всех уровнях – от национального до отдельного предприятия, – лишала предпринимателей одного из важнейших рычагов поддержания эффективности производства – свободы маневра рабочей силой. Вторым фактором стала «аллергия к труду» – в условиях полной социальной защищенности наемный работник теряет стимулы к эффективному труду – его результаты теперь не зависят от трудового вклада рабочего. Плата за труд определяется исклю-

чительно внеэкономическими факторами, закрепленными в коллективном договоре и гарантированными государством.

Социальные издержки предпринимателей – прямые в форме социальных отчислений и расходов на зарплату и ее рост, и косвенные в форме растущих налогов на содержание всей социальной политики – возрастают настолько, что предприниматели не видят смысла ни в развитии производства, ни в его постоянной модификации. Начинается эпоха нулевого роста, а вместе с остальными факторами кризиса индустриальной модели усиливается бегство капиталов и постепенный перевод производства в теневую экономику.

Черты этого кризиса в полной мере начинают ощущаться уже в 70-е гг. прошлого века, когда завершается эпоха дешевого сырья и дешевой энергии. Издержки производства становятся настолько большими, что ведут к стагнации экономики. Бегство капиталов, перевод производства в страны третьего мира с неразвитыми социальными системами и слаборегулируемыми трудовыми отношениями явились всего лишь паллиативом (хотя справедливости ради заметим, что положили начало частичной индустриализации третьего мира).

В это время фактически развиваются два процесса: укрепления существующей модели «государства всеобщего благосостояния» для поддержания социальной стабильности уже в условиях структурного кризиса и поиск новой модели развития. Наиболее успешно он развивался в теневой экономике.

Безудержный рост теневой экономики в конце 60-х – 70-х гг. прошлого века явился реакцией частнопредпринимательской экономики на рост налогов, расходуемых на содержание социальной сферы государства всеобщего благосостояния и стремительный рост социальных издержек производства. Можно сказать, что искомая социальная стабильность была достигнута за счет приостановки экономического роста и что эти кризисные черты были присущи как капитализму, так и социализму. С конца 70-х – начала 80-х гг. в эпоху застоя вступает и экономика Советского Союза, где регламентация и формализация социально-трудовой сферы были максимальны, правда на более низком уровне, но с общими чертами – стагнации экономики и появления экономики неформальной, теневой (в форме «цеховиков»). И в то же время можно сказать, что теневая экономика стала тем полигоном, на котором апробировались новые формы трудовых отношений и новая модель развития.

Прежде чем переходить к анализу нынешнего состояния проблемы социальной стабильности, нужно отметить, что глобализация социальных проблем значительно, на наш взгляд, опередила современную глобализацию: модель социального государства в форме *welfare state* стала универсальной уже в послевоенный период благодаря выравниванию уровней развития всей группы развитых стран, общности социально-эконо-

мических процессов, порожденных индустриальной моделью и общностью рецептов «лечения» социальных противоречий, достижения социального мира через призму адаптации социально-трудовых проблем на примере Советского Союза.

Более того, по мере втягивания в орбиту индустриального развития «третьего мира» и там начинается становление социальной политики и регулирование трудовых отношений в существующих формах государства всеобщего благосостояния. Именно поэтому преодолеть кризис индустриальной модели через перенос производства в третий мир не удалось.

Выше отмечалось, что теневая экономика, явившаяся реакцией на стагнацию формальной экономики, во многом определенную растущими социальными издержками – платой за стабильность, во-первых, породила новую модель развития, во-вторых, по-новому высветила проблему социальной стабильности в общем контексте устойчивого развития на основе вызванных ею социальных изменений и изменений в трудовых отношениях.

Теневая экономика, построенная на неформальных отношениях, породила устойчивый спрос на новые технологии – технологии сырье-, энерго- и трудосберегающие. Этот спрос удовлетворила наука, ставшая наконец-то производительной силой. Так начиналась научно-техническая революция и эпоха постиндустриального развития.

НТР в производстве позволила начать децентрализацию производства; новые технологии и материалы позволяли производить на малых предприятиях значительно больше продукции с меньшими затратами. Издержки на новую технику и новые технологии с лихвой перекрывались уходом от налогов, социальных отчислений и необходимостью выплачивать обязательные добавки к заработной плате. Высокая эффективность новых предприятий позволяла поднимать зарплату, но указанные выше факторы открывали возможность маневра ею (экономическая форма принуждения к труду). Новая индустриальная модель не только обеспечила новый экономический подъем, началось относительное сокращение производственного сектора экономики при росте сферы услуг в широком смысле этого слова. Численность занятых в промышленности начала стремительно уменьшаться. Начинались социальные трансформации новой эпохи. Но численное уменьшение наемных работников промышленности – «массового рабочего» – преобладающего социального слоя недавнего прошлого, было лишь первым изменением социальной структуры постиндустриального общества.

Новая экономика резко изменила и спрос на рабочую силу. Внутри уменьшающейся группы промышленных рабочих начались квалификационно-профессиональные изменения. Если раньше «массовый рабочий» должен быть среднеобразованным и среднеквалифицированным, то работник новой индустриальной экономики должен иметь высокий уровень образования и высокую квалификацию, чтобы обслуживать автоматизиро-

ванное и роботизированное производство. И если раньше достаточно было иметь общую квалификацию, то теперь производство требовало немногочисленных, но узкоспециализированных групп работников.

Так началось размывание слоя «массовых рабочих», ускоренное структурной перестройкой промышленности, начиналось свертывание традиционных отраслей массовой занятости. Новые группы специализированных рабочих обладали новым отношением к труду и новой системой ценностей, прямо противоположной социально-уравнительной идеологии «массового рабочего». Они образовывали свои, автономные профсоюзы, началось снижение численности и влияния массовых профессиональных организаций индустриальной эпохи. Старая «жесткая» система трудовых отношений уходила в прошлое.

Автономные профсоюзы, объединяющие немногочисленные группы высококвалифицированных, узкоспециализированных работников, начали отказываться от всеобъемлющих коллективных договоров, заменяя их соглашениями, в которых размеры и формы оплаты труда напрямую связывались с трудовым вкладом работника и эффективностью работы предприятия при отказе от многих завоеваний, закрепленных в результате долгих конфликтов, например от автоматической индексации заработной платы.

Однако если система трудовых отношений под влиянием неоконсервативной революции и ее идеологии начинает меняться уже с 80-х гг, то социальная политика до середины 90-х гг. продолжает существовать в привычных рамках «государства всеобщего благосостояния». И не по инерции – социальные изменения в обществе, вызванные НТР и неоконсервативной революцией, были настолько глубоки, что, казалось, избежать конфликта можно только в рамках *welfare state*.

Дело в том, что по мере утверждения постиндустриального развития и становления ее в качестве базовой («рейганомика», «тэтчеризм», преобразования конца 80-х гг. в Италии, Испании и других развитых странах), социальные сдвиги вели к формированию новой социальной структуры. Во-первых, резко снизилась доля занятых в промышленности, внутри нее произошли структурные изменения, вызванные качественным изменением спроса на рабочую силу. Во-вторых, вытесняются наемные работники из исчезающих старых отраслей. С этого момента безработица становится «профессией», уделом социально-профессиональных, гендерных и возрастных групп. Эти группы образуют «новую маргинализацию» – людей, не имеющих шансов на трудоустройство в новой модели развития. Беда современного рабочего не в том, что его смогут уволить, а в том, что его не принимают на работу, – отмечали социологи. Прежде всего, это молодежь, женщины, лица «третьего возраста»[1].

[1] Предприниматели предпочитают брать на работу лиц зрелого возраста, подготовленных, семейных и поэтому не склонных к участию в конфликтах. В связи с со-

Но эта прогрессирующая маргинализация в корне отличалась от маргинализации традиционной. Маргинальные группы существуют всегда и везде. Это лица, неспособные к труду по своим качествам и характеристикам, соответственно не нужные в системе общественного производства. Новый же маргинал – человек образованный, часто имеющий квалификацию, способный трудиться и т. п., он материально обеспеченный через систему социальных пособий и выплат. Государство предпочитало откупиться от новых маргиналов, нежели заботиться о создании новых мест. Именно поэтому выше было отмечено, что социальная политика продолжала существовать в уже привычных рамках «государства всеобщего благосостояния» при изменяющихся в целом трудовых отношениях. О том, что новые маргиналы становятся привычным явлением современной социальной структуры, свидетельствует и то, что доля безработных в большинстве развитых стран остается практически постоянной в 80-е – 90-е гг.

Перспективы трудоустройства «новых маргиналов» были предельно узкими, так как, во-первых, даже быстро растущая сфера обслуживания не могла поглотить такое количество рабочих рук. Во-вторых, изменялся не только спрос на рабочую силу, но и требования к предложению на рынке труда. Предложение увеличивалось, но это было предложение неквалифицированного труда с низкой оплатой. А новые маргиналы в силу своих качественных характеристик претендовали совсем на другие рабочие места и поэтому предпочитали жить на пособия системы социального обеспечения. Этим объясняется и массовая миграция неквалифицированной рабочей силы в развитые страны из третьего мира, людей, готовых на любую работу с любой оплатой (в этом заключается отличие от миграции индустриальной эпохи для пополнения дефицита рабочей силы в промышленности). Конечно, и это следует подчеркнуть, значительная часть миграции была определена поиском пособий. Справедливости ради нужно сказать, что и сейчас заработная плата в предложениях рабочих мест в массовом сегменте сферы обслуживания гораздо ниже, чем совокупные пособия современного безработного. «Аллергия к труду» сменяется «социальным иждивенством».

Такое положение не могло сохраняться долго. И в соответствии с идеологией неоконсервативной революции начинает меняться и социальная политика в целом. Демонтаж структур «государства всеобщего благосостояния» был подстегнут исчезновением «социального индикатора» – Советского Союза. Подчеркнем, что речь идет о демонтаже структур *welfare state*, а не социального государства (расходы на социальные нужды

вершенствованием пенсионных систем, увеличением средней продолжительности жизни образовалась группа пенсионеров, еще способных и желающих работать. Она пополнялась в связи с политикой досрочного выхода на пенсию, которая рассматривалась как форма всеобщего высвобождения рабочих мест, прежде всего для молодежи. – *Прим. авт.*

отнюдь не уменьшаются, но почти постоянно растут). Изменяются формы и методы его деятельности.

Относительный успех идеологии неоконсервативной революции в трудовых отношениях породил впечатление, что на основе либерализма можно преобразовать социальную сферу, не нарушая при этом социальной стабильности.

Этот на первый взгляд успешный опыт (за все 90-е гг. практически не отмечалось значимых социальных конфликтов) привел к усиленному введению либеральных начал в социальной сфере. И этот процесс нельзя отделять от продолжающихся реформ в духе «рейганомики» и «тэтчеризма». Общая тенденция заключалась в превращении социальной сферы в сферу социальных услуг со все большей сбалансированностью социальных затрат и издержек между участниками социальных отношений, децентрализацией ответственности между ними, допущением частного капитала в эту сферу (например, приватизация служб занятости и профессиональной подготовки), делегированием государственных функций в социальной сфере бизнесу[1]. Кроме того, появилась и новая тенденция в распределении субсидий и пособия: наряду с их общим сокращением и ужесточением правил предоставления, сократились сроки их выдачи. Все это объяснялось необходимостью расширения выбора (при приватизации) форм социальных услуг и стимулирования поиска занятости самими безработными.

Сразу же отметим, что такое направление социальной политики действительно дает эффект в борьбе с феноменом «социального иждивенчества», но общая тенденция, скорее всего, будет негативной. Стереотип быстро сломать невозможно, особенно на фоне того, как по мере сокращения пособий и сроков их получения, новые маргиналы будут частично превращаться в традиционных, малообеспеченных лиц со всеми особенностями своего поведения. Уже сейчас для таких групп (квазизанятость при квазиоплате) начинается развертывание общественных работ (например, за один евро в час в Германии). Еще одним направлением, напрямую связанным с экономическими реформами, является принудительная приватизация рабочих мест – попытка превратить наемных работников предприятий в индивидуальных предпринимателей.

Следовательно, эту *общую тенденцию в социальной и трудовой политике современного государства можно охарактеризовать как тенденцию к индивидуализации социальных рисков, в отличие от обобществления социальных рисков в эпоху «государства всеобщего благосостояния».*

[1] Кроме того, в рамках социально-экономических реформ предполагается направлять все больше инвестиций в создание новых рабочих мест. Так, новое правительство ФРГ инвестирует на эти цели около 20 млрд евро, но ожидаемым результатом будет создание около 500 тыс. новых рабочих мест при 5-миллионной застойной безработице. И эта программа оказалась жертвой нынешнего кризиса. – *Прим. авт.*

Такие изменения в социальной политике и трудовых отношениях действительно дали и на достаточно продолжительное время (90-е гг. XX – начало XXI в.) искомую социальную стабильность для решения как внутренних проблем, так и для рассмотрения общих проблем устойчивого развития. Сама концепция устойчивого развития, по крайней мере на словах, никем не оспаривается.

Но уже сейчас можно сказать, что наблюдаются признаки того, что социальная стабильность не достигнута, вернее, все больше признаков того, что мы снова подходим к фазе ее нестабильности, что ставит под сомнение реализацию концепции устойчивого развития. Особенно ярко это проявляется в росте массовых выступлений против антикризисных мер ряда развитых стран.

Нужно подчеркнуть, что, во-первых, пока еще никакие социально-экономические перемены не смогли существенно повлиять ни на качественный, ни на количественный состав армии безработных. Безработица по-прежнему остается профессией целых социальных слоев – так называемых новых маргиналов. Более того, в их среде начинаются процессы пауперизации и пролетаризации со всеми последствиями социально-политического поведения. Во-вторых, дальнейшая либерализация экономики уже наталкивается на ощутимое сопротивление наемных работников. Так, бурные, массовые протесты (и заметим, в европейском масштабе) вызвало принятие закона о приватизации крупнейших европейских портов. Все сложнее идут переговоры профсоюзов и предпринимателей. В-третьих, проявляется тенденция, когда предприниматели европейских кампаний вместо развития производства и расширения занятости (и избегая сложностей в отношениях с профсоюзами) прибегают к переносу производства в страны Восточной Европы или к импорту дешевой рабочей силы из этого региона. Благо это стало возможным в условиях либерализации трудовых отношений и расширения ЕС. И это тоже может взорвать социальный мир. В-четвертых, учащаются стачки «автономных профсоюзов» под старыми лозунгами, которые можно рассматривать как призыв к реставрации старой системы трудовых отношений. А ведь именно эти профсоюзы шли в авангарде выступлений за слом системы «жестких», формализованных отношений. В-пятых, это оживление социальных конфликтов имеет особое отличительное свойство – они не знают границ, они уже не чисто национальные и все чаще охватывают всю старую Европу. Яркий пример тому – выступление докеров Европы в январе 2006 г.

К оживлению социальных движений традиционного типа добавляются и социальные противоречия нового типа, перерастание которых в конфликт чревато потрясением всего общества (и всей Европы). Это и напряжение в отношениях новых маргиналов и работающих мигрантов, которые рассматриваются как «оккупанты» рабочих мест (хотя классический безработный отнюдь не спешит их занять). Это и потенциальный конфликт

между занятыми и рабочими-мигрантами, соглашающимися на ту же работу с более низкой зарплатой и без социальных гарантий. И наконец, мигранты-маргиналы из «параллельных обществ» (национальных диаспор Европы) уже выходят на улицу (Франция 2005), провоцируя общество уже на социально-политический конфликт. Все это, естественно, в других терминах почти целиком относится и к современной России, несмотря на то что она находится совсем в другой социально-экономической ситуации. В данном случае проявляется результат глобализации, но это тема уже другого анализа.

Конечно, можно сказать, что это лишь слабые отзвуки социальных движений второй половины 60-х – 80-х гг. XX в. Но одновременно это и признаки того, что эпоха социальной стабильности новой глобальной эпохи подходит к концу. Особенно если судить по началу антикризисных выступлений 2010 г., что способно серьезно подорвать надежды на устойчивое развитие в такой деликатный момент для большинства экономик развитых стран. Большинство экономик развитых стран балансируют между стагнацией и слабым ростом. Идея возрождения хотя бы части структур «*welfare state*» находит все больше сторонников.

Список литературы

1. Европейская интеграция / под ред. О. Буториной. – М., 2011.

2. *Фукуяма, Ф.* Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М., 2010.

3. Человек в социальном государстве. – Pro et Contra.– М.: Лето, 2001.

4. *Disraeli, B.* Sybil, or the two Nations. – London, 1845.

© Дахин В.Н., 2011